

ВЕРНЫЕ ДОЛГУ

ЯРОСЛАВЛЬ
ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1986

ЭТО БЫЛО ПОД БАКЛАНКОЙ

Неподалеку от Костромы — город-новостройка Волгореченск. Поселок энергетиков производит отрадное впечатление: в аккуратные кварталы жилых домов хорошо вписались детские комбинаты, школы. Просторное здание профтехучилища по соседству с кафе, где встречаются по-домашнему приветливо. В небольшом городке все прекрасно знают друг друга, поэтому найти дом, в котором живет Нина Михайловна, не составляло особого труда.

У нее цепкая память — до подробностей ей помнятся события, происшедшие в тех местах, где она совсем молодой девушкой начинала учительствовать.

— Когда это было? — задумчиво переспрашивает Нина Михайловна и начинает свой рассказ.

В тридцать девятом году Нина Кордюкова вместе с задушевной подружкой Дусей Бардиной закончили в Давилове педучилище и получили направление в Первомайский район Ярославской области. Здесь была нужда в учителях начальных классов. Встретили их в Васильевской школе радушно. Разместили в двухэтажной бревенчатой школе со светлыми окнами, за которыми убежало вдаль синее поле, а чуть подалее был виден здешний льнозавод. В школу учительницы прибыли с комсомольскими путевками, чем немало гордились. Правда, мечталось о других краях — в ту пору все стремились на Дальний Восток. Но раз послали сюда, в Васильевское, — стало быть, здесь и нужны.

В Васильевском они встретили войну. Решение было принято немедленно: едем на фронт. Под руками оказался красный карандаш — им и написали заявление на имя районного военкома. С заявлением отправились в райцентр. Военком сказал, что с фронтом придется погодить, а вот вступить в истребительный батальон нужно, и направил учительниц-комсомолок к чекистам — в райотдел внутренних дел. Здесь их встретил подтянутый человек с озабоченным лицом. Назвался Костылевым Матвеем Михайловичем. Это был заместитель начальника отдела, начальник штаба истребительного батальона. Он только что возвратился из Ярославля, где в управлении проходило совещание. Здесь перед чекистами ставилась

Н. М. Асафова

задача — усилить внимание к возможной заброске в тыл вражеской агентуры. И как всегда, главная опора в этой работе — местное население.

— Присаживайтесь, — сказал Костылев и кивнул на диван. — Решение вы приняли правильное. В истребительном батальоне народ нужен. Вы смотрите — фашисты беспрестанно бомбят железнодорожные станции. И у нас, на Бакланке, на днях разбомбили эшелон. Не исключено, что они свою агентуру в наши края забрасывают. Смотрите в оба. Подберите группу — человека три-четыре. Надежных, смелых. И — действуйте. Чуть что, связывайтесь со мной.

Ярославцы трудились напряженно. Шло лето сорок второго года. Газеты писали об упорных боях, которые наши войска вели в районе Воронежа и Новочеркасска. Ждали вестей с фронта и сами писали на фронт. Проводили фронтовые декадники — для Красной Армии сдавали валенки, шерсть, овчину, шапки, шерстяные и хлопчатобумажные вещи. Вносили деньги на строительство звена истребителей. В конце июля добавилось забот — наступала уборочная страда. А когда в район прибыл эшелон с ребятишками из блокадного Ленинграда, то комсомольцы первым делом занялись детьми — для них они собирали у местного населения лук, капусту, другие овощи, выхаживали тех, кто заболел в пути, словом, забот у них хватало.

А самолеты фашистов продолжали прилетать. Нина Михайловна, как и все тогда, быстро научилась различать их по звуку. Как только наступала полночь, то сразу и слышится гул, а в небе появляется блесточка. Отыскала Костылева. Тот внимательно выслушав, сказал: «Продолжайте наблюдение».

В ту полночь она отчетливо услышала подозритель-

ное гудение чужого самолета над лесным болотом. На душе у Нины Михайловны стало беспокойно: зачем прилетал? С какой целью?

ДВОЕ ПРЫГАЮТ В ТЕМНОТУ

...В августовские дни сорок первого года под Старой Руссой шли ожесточенные бои. Обстановка для наших войск складывалась крайне тяжело. С огромным трудом приходилось удерживать натиск превосходящих сил противника. И поэтому приказ гласил: «Держаться до последнего! Ни шагу назад!» Это хорошо знали и те, кто давно находился на огневом рубеже, и те, кто прибывал с новым пополнением. Транспортная рота, с которой прибыл сюда младший лейтенант Ивлиев, расположилась неподалеку от села Иваново возле реки Ловать. Командиром взвода Ивлиев стал недавно. За две недели до начала войны его призвали в Красную Армию. Гражданская профессия механика оказалась как нельзя кстати. Так он стал младшим лейтенантом и командиром взвода. Но это как раз и пугало его—с командира спрос больше! Перед взводом ставилась задача: обеспечивать доставку к передовой всего, в чем нуждались войска. Так-то оно так, рассуждал про себя Ивлиев, только из такой круговерти и не выбраться живым. Больше всего его пугала артподготовка. Как только начинали ухать орудия, у него внутри возникал холодок, и казалось, куда-то исчезает душа. «Подальше бы от передовой», — думал он про себя в такие минуты. И искал выход...

Когда фашистские солдаты брали Ивлиева в плен, то он не оказывал им никакого сопротивления: лишь бы жив остался, а где он будет находиться, не имело для него значения. Ивлиева поместили в Рижский центральный лагерь военнопленных № 350. По-разному вели себя те, кто попал сюда. Бывший младший лейтенант Ивлиев помышлял лишь о собственной жизни и готов был на все, чтобы сохранить ее. Он старался оказывать немцам любые услуги: прислушивался к разговорам в бараке, доносил на своих соседей, нередко избивал их, выслуживался. Очень скоро его назначили полицейским. Теперь он старался отличиться на новом поприще. Как-то услышал от своего знакомого, что здесь же, в Риге, есть и так называемый Малый лагерь особого назначения, из которого отбирали пополнение в разведывательные шко-

лы. Хорошо бы и ему туда попасть, думал он и теперь старался выслуживаться изо всех сил. Фашисты приглядывались к Ивлиеву и, убедившись, что он будет с готовностью выполнять любое их задание, направили его в разведшколу при абверкоманде 104. Это шпионское гнездо из предателей и уголовников условно называлось «Русская колонна». Он сразу же перестал быть Ивлиевым, стал называться Тосиным, а позднее избрал себе имя Грес. Теперь у него уже ничего своего не было, даже собственного имени.

Когда начальник школы подполковник фон Ризе решил направить Ивлиева по его же просьбе в советский тыл, то ему сразу же стали подбирать напарника. Выбор пал на Леонида Егоровича Селезнева. Так же, как Ивлиев, он в августе сорок первого попал в плен, изменил военной присяге. Прошел через Большой лагерь, где был полицейским, а затем получил направление в разведывательно-диверсионную школу, которая размещалась в эстонском городе Валге.

Основательно готовил Ивлиева с Селезневым фашистский разведцентр для засылки в советский тыл. После школы их натаскивали на двухмесячных курсах при 2-ом отделе разведки германского военного штаба фронта. Здесь их снабдили фиктивными документами, бланками, справками, другим шпионским снаряжением, они получили листовки и брошюры, которые необходимо было распространять среди советских людей, отработали легенды прикрытия. План действия был таков: Ивлиев и Селезнев переодеваются в форму командиров Красной Армии, их сбрасывают с самолета в северной части Ярославской области. Им надлежит зарыть парашюты в землю, взять с собой шпионское снаряжение и от места приземления направиться в сторону города Буя, а от Буя на юг к Сталинграду. «Главное,— напутствовал Ивлиева и Селезнева начальник отдела разведки,— вы должны, двигаясь вдоль Волги, выявлять оборонно-стратегические объекты и укрепления, площадки для посадки фашистских самолетов с учетом возможных забросов десантов». Все эти сведения они должны были заносить в специальный блокнот, а после перехода линии фронта в районе Сталинграда передать фашистской разведке.

— Что же, теперь вам можно смело отправляться в путь,— бодро сказали Ивлиеву и Селезневу в развед-

центре. Предусмотрено было все, отработана каждая мелочь, но чем меньше оставалось времени до часа выброса, тем больше страха испытывали они.

И вот этот час наступил. Во второй половине дня 26 сентября 1942 года в сопровождении гитлеровского офицера Ивлиев и Селезнев выехали на аэродром. Хотя перед выездом они крепко выпили, но и здесь, на аэродроме, добавили еще. Когда подлетели к месту выброски, то снова попросили гитлеровского офицера дать выпить. Для храбрости.

Раздается команда, и двое прыгают в темноту...

НАХОДКА В ЛЕСУ

Уснуть Нина Михайловна так и не смогла. До мельчайших подробностей вспоминала разговор с Костылевым, его совет быть бдительной в каждом случае изменения обстановки. Само собой напрашивалось: а не проверить ли свои подозрения в том, что вражеский самолет неспроста кружил над болотом? Так и сделаю!

Едва занялся рассвет, вышла из своей комнатки и отправилась к соседям. Постучала в дверь. Когда выглянул сосед, которого все в округе знали как большого знатока окрестных лесов, попросила его: «Проводите меня, пожалуйста, на Исаковское болото. Клюквы хочу собрать для эвакуированных ребятешек». Сосед согласился и через каких-то полчаса они вдвоем уходили по дороге, ведущей к болоту, — там были самые урожайные на клюкву места. За плечами у Нины Михайловны котомка — сама смастерила из мешковины. За голенищем сапога охотничий нож, как-то при случае подаренный ей колхозным кузнецом.

Они долго шли лесом — вот уже и Починок остался позади, а до болота все еще недалеко. Сосед рассказывал о прожитой жизни, о своих детях, которые становились взрослыми людьми. Временами они разбредались по разным тропкам, но не упускали друг друга из виду.

Уже стало светать. Нина Михайловна шла, аккуратно ступая по зеленому мшистому ковру, и внимательно оглядывала все, что попадалось на пути. Вдруг на зеленом фоне листвы она увидела светлую ткань парашюта. Она остановилась как вкопанная. Сперва ей захотелось закричать, позвать на помощь соседа. Но успела

заметить, что тот при виде парашюта испугался и ушел в заросли кустарника. «Ничего, попробую сама управиться», — решила она и стала запихивать парашют в котомку. Когда ей удалось это сделать, она принялась осматривать места поодаль — в нескольких шагах нашла полевую сумку. Раскрыв ее, обнаружила карту, петлицы с тремя кубиками и целую пачку денег. Выходит, они очень торопились, если вынуждены были бросить такое, рассуждала Нина Михайловна сама с собой. Так что нельзя терять ни минуты, нужно возвращаться в школу.

Здесь она показала свои находки директору школы Марии Рихардовне. Та тоже была озадачена и взволнована.

Нина Михайловна решила: «Позвоню в сельсовет. Пусть передадут Костылеву». Она отнесла котомку в школьную раздевалку, закрыла дверь своим замком и отправилась бегом в Терехово. Там был телефон.

...С того самого момента, когда Костылеву сообщили о находке учительницы Васильевской школы в районе Исаковского болота, прошло совсем немного времени, но и этого хватило, чтобы успеть сделать то, что требовалось. Дозвонился до Ярославля и сообщил в управление о случившемся. Там ответили тотчас же: приступайте незамедлительно к задержанию десанта. К вам мы направим в помощь оперативную группу. Держите связь.

Когда Костылев с бойцами истребительного батальона прибыл на место, выяснил обстоятельства обнаружения шпионского снаряжения, то понял, что десант сброшен недавно. Скоро отыскался и второй парашют, а неподалеку от него контейнер: хлеб в целлофане, сухари, махорка Кременчугской фабрики, несколько плиток шоколада. Видимо, шпионы очень спешили убраться из района приземления. Началось преследование. Бойцы истребительного батальона приступили к оцеплению участка. Теперь ситуацией овладели чекисты, и диверсантам приходилось, что называется, принимать правила игры, которые диктовались.

«В ЦЕЛЯХ ВЫЯСНЕНИЯ ЛИЧНОСТЕЙ...»

...Когда они приземлились, то сразу же решили как можно скорей уходить от места приземления. Думалось так: чем дальше уйдут — тем безопасней.

Днем и следующей ночью Ивлиев и Селезнев были в пути. Они каждой клеткой своего тела чувствовали за собой погоню. Им было страшно и потому шли крадучись, осматриваясь, боясь встретить на своем пути людей, хотя нужда в этом была — они потеряли ориентиры.

Поздно вечером (это было уже 29 сентября) Ивлиев с Селезневым вышли на картофельное поле. Рядом оказалась деревня Фомино. В избах светились тусклые огоньки. Люди были заняты своими обычными делами и хлопотами. А эти двое лежали на опушке леса, подложив под себя пожухлую картофельную ботву. Что делать дальше? Решили менять тактику, не таиться, а идти открыто. Расчет был прост: кому-кому, а красным командирам люди поверят.

Когда наступила темнота, они отправились в деревню, постучали в крайний дом. Открылась дверь, и старуха, увидев двоих военных, обрадованно сказала: «Проходите, сыночки!» Но они не стали проходить, а попросили помочь найти им председателя колхоза: «У нас к нему важное дело». Очень скоро объявился озабоченный председатель.

— Слушаю вас, товарищи.

— Понимаете... нам срочно необходимо прибыть в ваш районный центр. Мы просим вас дать подводу доехать до Кукобоя.

Председатель долго молчал, что-то прикидывал про себя, думал. Появление здесь у него в колхозе людей в военной форме обрадовало его — сколько раз он сам приходил в военкомат с просьбой послать его на фронт, но каждый раз слышал: без крепкого тыла и фронт не фронт. Но что-то и настораживало — у этих военных не было той уверенности, которая присуща всем, кто прибывал с фронта. И суетливые какие-то... Вспомнилось, как на районном активе выступал сотрудник государственной безопасности. «Обстановка, товарищи, — говорил он, — такая, что всюду и везде нужно быть бдительными. Фашистская разведка то и дело забрасывает свою агентуру в наш тыл. В здешних лесах есть где укрыться врагу. Помните об этом...»

— Вот что, — сказал наконец председатель, — подводы я вам дать не могу. А вот проводника с вами снаряжу в путь. До самого Кукобоя доведет. Годится?

— Пусть будет так.

Председатель окликнул пожилого колхозника и, указав кивком головы на военных, сказал:

— Проводи товарищей до Кукобоя.

Попрощавшись с председателем Ивлиев с Селезневым зашагали вслед за своим проводником. Тот шел легко и свободно — ему была знакома здесь каждая тропинка. А те двое старались поспеть за ним. Они боялись вызвать подозрение у проводника и вопросы задавали осторожно, ненавязчиво. Для пущей убедительности вспоминали всевозможные истории из фронтовой жизни. Задача у них была такая — получить в райцентре транспорт и добраться до станции Бакланка, а дальше можно двигаться по железной дороге в нужном направлении.

А события тем временем развивались так. Председатель колхоза, проводив военных, позвонил в райцентр. Попросил соединить с председателем райисполкома: «Такое вот дело. У нас двое военных объявились. Надо бы проверить, что они за личности. Сейчас на подходе к Кукобою». Это сообщение без промедления стало известно Костылеву.

Матвей Михайлович, сопоставив сообщение о двух неизвестных в форме командиров Красной Армии со сведениями о заброшенных шпионах, отдал распоряжение задержать их и доставить в райотдел: не те ли «гости», которых ищем?

Когда группа чекистов приступила к операции по задержанию неизвестных, Костылев доложил в Ярославль о принимаемых мерах. «Результаты сообщите нам немедленно», — сказали ему из управления.

При задержании предатели поняли, что оказывать сопротивление бесполезно. Петля затягивалась все туже и туже, и вот уже вырваться из нее стало невозможно.

Неотвратимо последовала и расплата за совершенные преступления: Ивлиев и Селезнев осуждены.

Бесславный и неминуемый конец!...

* * *

Как же потом сложилась жизнь участников операции под Бакланкой?

Нина Михайловна еще год прожила в Первомайском районе, а потом, когда отец ушел на фронт и матери одной стало трудно поднимать семью, возвратилась

к своим. Школа, где она учила грамоте ребят, была в Поповке, а в трех километрах от нее, за речкой Шагой — родная деревня.

В сорок третьем судьба свела Нину Михайловну с молодым капитаном Асафовым, который приехал в родные места после ранения. С тех пор она носит фамилию Асафова.

В сорок пятом стала коммунистом и все эти годы, учительствуя, выкраивала время для общественной работы. Вырастила двоих сыновей. У Нины Михайловны подрастают внуки. Словом, забот у нее хватает и дома и на работе — она продолжает трудиться, правда, не по специальности.

Идет время, годы берут свое. Но в памяти живет все, что испытала Нина Михайловна тогда, в военную пору. И сейчас, и тогда она убеждена в одном: вражеский десант ей удалось обнаружить не по воле случая — внутренняя готовность к встрече с диверсантами воспитывалась у комсомольцев-бойцов истребительного отряда. А то, что страху натерпелась тогда — этого она тоже не скрывает. Когда в школу прибыли чекисты и военные, ее включили в поисковую группу, которая начала преследование заброшенных в наш тыл вражеских разведчиков. Помнит, как укладывала хлеб — еще горячий после печки — в вещмешки, как протянул ей Костылев пистолет: «Без команды не стрелять». Шли лесными тропами, буквально по пятам парашютистов — те чувствовали преследование и торопились, совершали одну ошибку за другой.

Памятна эта операция и Матвею Михайловичу Костылеву. Ему за восемьдесят, и он давно на заслуженном отдыхе, много лет живет в Угличе. У него большая семья: шестеро детей, внуки, правнуки... Ему есть о чем рассказать им. Никогда не стоял Матвей Костылев в стороне от тех событий, которыми жила страна.. Шла гражданская, и он был среди ее участников. Воевал против Врангеля, бил махновцев на шляхах Украины. Неизгладим в памяти ратный путь, пройденный под командой Фрунзе, Уборевича, Федько... А потом служба в частях особого назначения, служба трудная, опасная. Нелегкое дело избрал Костылев себе и на всю последующую жизнь. В двадцать пятом его взяли в конную милицию. Был он участковым, инспектором уголовного розыска, начальником районного отдела внутренних дел. Немало

поездил по Ярославскому краю — работал в Диево-Городище, Большом Селе, Кукобное...

О многом говорят награды, которыми отмечен ветеран-коммунист: орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, боевые медали.

По-особому помнится все, что связано с военными годами, когда приходилось работать буквально дни и ночи. Работа эта была связана с риском, требовала большой собранности, отваги. Ведь вот и та история, которая произошла осенью сорок второго года в Первомайском районе под станцией Бакланка, стоила многого. Матвей Михайлович рассказывает, как это все было, вспоминает по именам всех, кто был причастен к задержанию вражеского десанта. «Фашисты, конечно, здорово просчитались, — говорит он, — не взяли в расчет, что всегда была наша земля богата преданными людьми, настоящими патриотами. На том стояли и стоять будем».